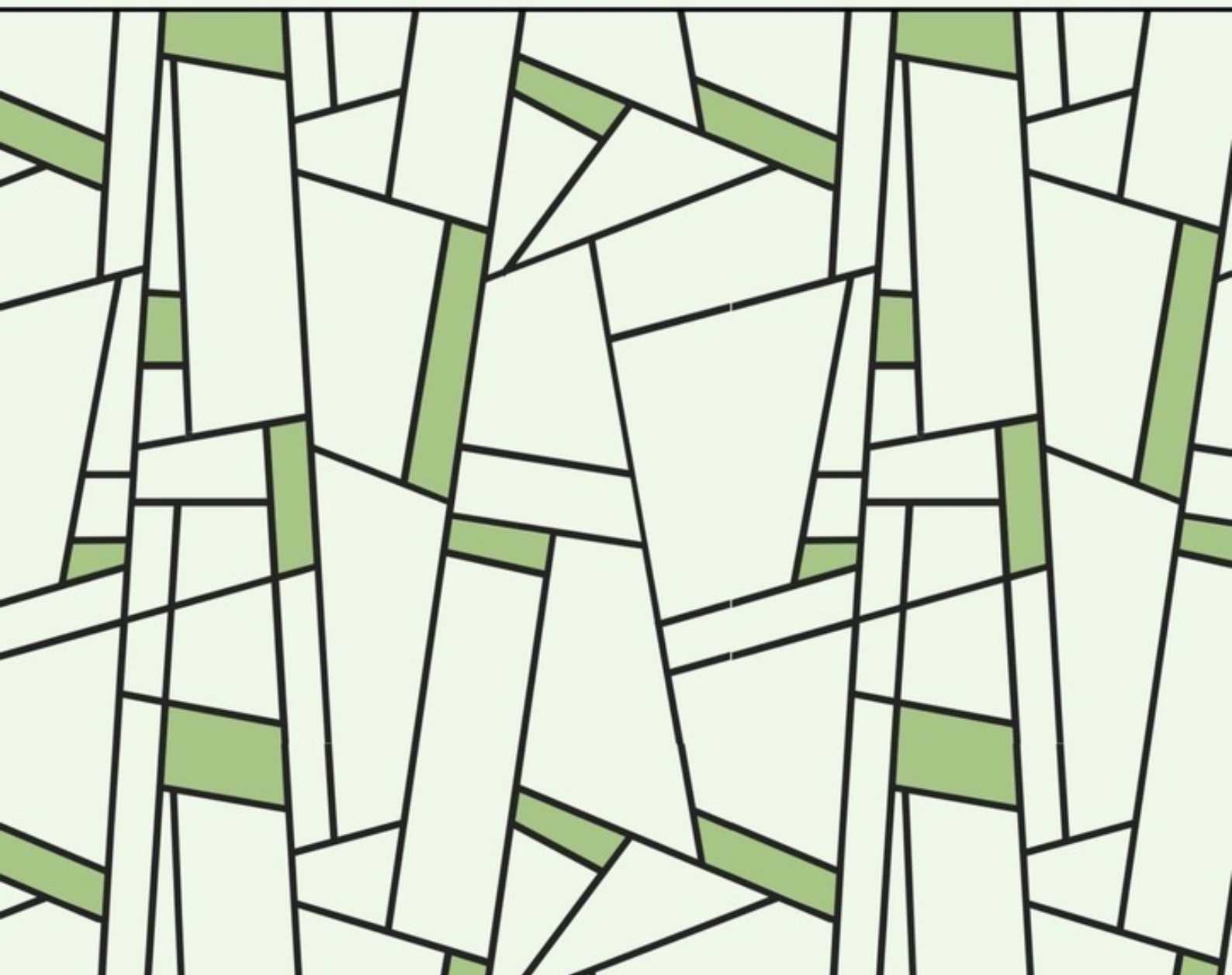

Сергей Степанов-Прошельцев

Уроки «химии»

Сергей Степанов-Прошельцев

**Уроки «химии». Из
жизни условников**

«Издательские решения»

Степанов-Прошелецев С.

Уроки «химии». Из жизни условников / С. Степанов-
Прошелецев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500782-7

«Химией» в 80-е годы прошлого века называли стройки народного хозяйства, куда из лагерей направляли работать условников. И вот однажды в шахте прогремел взрыв, обрушилась порода, образовался огромный провал. Прокуратура расценила это как диверсию...

ISBN 978-5-00-500782-7

© Степанов-Прошелецев С.
© Издательские решения

Содержание

УРОКИ «ХИМИИ»	6
Неночевка	7
Первое дело	23
Безумный профессор	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Уроки «химии» Из жизни условников

Сергей Степанов-Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-0782-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ (sstepanow46@yandex.ru; тел.
8-905-865-12-08; 299-43-86)

УРОКИ «ХИМИИ»

«Копаящий яму под ближним своим – упадет в неё»

«Пчела», древнерусский сборник поучительных изречений и афоризмов.

«Провал – воронкообразное углубление, яма; полная неудача какого-то начинания, дела»

Из «Толкового словаря» Д. Н. Ушакова

«Узенькая полоска,

Хрупкая наша жизнь»

Александр Межиров

Неночевка

I

Гульку, как называли «химики» увольнение в город, выписали Санлепу во второй раз. Не было прикида – уехал из зоны в казенке от хозяина. Гнидник – телагу с оторванной биркой, да бахилы – вот и всё, что дали. Да еще и деньги с лицевого счета сняли за этот грязный фуфан. А цивильные правильные шмотки сгнили на складе после прожарки. Пока подкопил на новопкупку сбруи, на зэчьем жаргоне – верхней одежды, прошло почти полгода. Зарплату «химикам» положили просто смешную, да и ту выплачивали не вовремя.

Но первая гулька пошла не в масть. Сразу же приплыл, что называется. Вечно он куда-то вблудную, наобум вступает.

Санлеп отогнал подальше воспоминания об апрельской встрече с Заочницей – уж больно они тусклые, какие-то нафталиновые. Лажанулся, как лох. Но после того, как жена оформила развод, и у Санлепа крыша над головой съехала в прямом смысле в неизвестном к тому же направлении (по тогдашним драконовским законам через полгода каталажки зэк терял право на свою жилплощадь), хотелось позаботиться о том, куда приткнуться после отсидки. Увы, не слепилось. Задрыга она, эта шмара очкастая.

Сегодня же судьба предоставляет еще один шанс. Накануне первый в отряде проныра Костя Хмуров с зёковским погонялой Хмырь пообещал познакомить его не с кем-нибудь, а с метрдотелем ресторана Галей Коковкиной.

Санлеп и уши развесил

– Гагара видная, – живописал Костя. – Фазенда рядом, живёт одна, вся в рыжье – место у неё харчистое. Золотишка чуть ли не полпуда на себе таскает. Сверкальцы разные на руках... Прикинь, какой грев тебе обеспечен. И фигуристая к тому же, гузка аппетитная.

– А сам-то чего менжуешься? – спросил Санлеп.

Он употреблял блатной жаргон только, когда общался со «своими». Так было легче. Тех, кто держался особняком, игнорировал законы зоны, хоть и не всегда справедливые, близко не подпускали, держались с таким человеком настороженно. Разные были думки: может, он стукач, засланец из другого, козлячьего мира?

– Не по Сеньке шапка, – поскромничал Хмырь. – . Кто на жульмана клюнет? Ей сазаны с баблом нужны, на худой конец, интеллигенты. Такие, как ты. У тебя тугриков нет, но зато калган работает. Ты что кончал?

– Медицинский. А потом – ординатуру. На санврача.

– Теперь я врубился, почему тебе такую погремуху дали. Санитарный лепила. Расшифровка полная.

– Так я еще и Саня вдобавок.

– Вот как! – удивился Хмырь. – А я ведь тоже Саня. Только канаю в деле как Костя. Ерша гоню, выдаю себя за другого.

Тут настал черёд удивляться Санлепу, но Костя-Саня понял, что сболтнул лишка, привязал метлу, замолчал.

День 26 июля был последней субботой месяца. Гульки давал отрядный – всего на четыре часа. До вечерней поверки надо было вернуться в общагу. Распорядок дня Костя, который на самом деле Саня, спланировал так:

– Где раздобыть самопальное пойло, пока не копенгаген. Талоны на спиртное, что нам выдали, уже просрочены. Значит, движуха наша – прямиком в «Центральный». Кирнём и – домой, в инкубатор. А как у вас с Галей сложится – это потом. Сам умасливай, ежели захочешь.

Увы, и тут не сложилось. Галя критически оглядев прикид Санлепа своим острым товароведческим взглядом, вынесла две бутылки в бумажном пакете. И синеватого жареного цыплёнка. Естественно, по ресторанной цене, да еще и комиссионные потребовала. Сказала, что все столики заняты. Спроварила, словом. Да и выглядела она лет на сорок, смахивая своей внешностью на дочь генсека. У неё в Березниках и кликуха такая – Галя Брежнева.

Хорошо, что в ПМК, куда были приписаны «химики», в пятницу после трехмесячной задержки выдали зарплату не за июль, а за май. Талоны на спиртное, которые приурочили к авансу, Галя Брежнева не взяла, поскольку они уже давно недействительны. Обычная практика. Оберегает контора своих практически дармовых работников от отправки на зону. Невыгодно это начальничкам.

– Вот ведь стерва подколодная! – сокрушался Саня-Костя. Как объядовителя! – Значит, не приглянулся ты. Лепень-то у тебя, хоть и не надёванный раньше, не от Юдашкина. Шмотки не центровые. Не скосоглазила.

– А цыплёнок-то и на цыплёнка не похож, – заметил Санлеп. – Больше на ворону смахивает. Интересно, сколько этой вороне лет?

– Может, это кумовские прокладки? – съязвил Хмырь. – Так ведь и отохотят от кабаков. Бухали возле свалки.

– Здесь не так опасно, – сказал незадачливый сводник. – В «Центральном» запалиться могли, там баллонов больше, чем пассажиров. Загребли бы, как пить дать. Если вздумают ксивы проверить – труба.

Санлеп порывлся в памяти. Вспомнил: на блатном жаргоне баллоны – это опера в штатском. Что они еще могут, кроме как вылавливать в злачном месте «химика», которому путь сюда заказан? У него всё и так на лице написано.

Был конец июля, огненно цвёл Иван-чай, хотя и поздновато, но место это выглядело очень убого. Как просроченные талоны на горячительное. Серые от пыли деревья, плесень травы, земля где лысая совсем, где в обломках кирпича, в осколках стекла, ржавые железяки, покосившийся бесхозный сарайчик...

Горы мусора выровнял бульдозер, который стоял на приколе неподалёку. Возле него из рыхлой земли торчали сломанные ящики, картонная тара и спинка старой кровати. Кто-то водрузил на неё одноногую тряпичную куклу. Не Барби, конечно, но на мисс этого места тянет вполне

Свалка кишела всякими жучками-паучками. Деловитые, но неопрятные вороны и присоединившиеся к ним более рафинированные чайки выискивали среди хлама козявок, а попутно лакомились такими деликатесами, как гнилые овощи и куриные потроха. Но у них были опасные конкуренты – пасюки. Их, как и ворон, совсем не смущало присутствие людей, которые неизвестно чем здесь занимались.

Надо сказать, что свалка жила своей обычной свалочной жизнью, неведомой многим. Где-то рядом грызлись шелудивые бродячие собаки, стараясь перелаять одна другую, а город молчал, словно набрал в рот глинистой воды из Камы. В его муравьиной тесноте, увязнув скопом в пьянстве, жили угрюмые люди, которые были потенциальными врагами «химиков». Они сдавали их только так, за бесплатно. Словно какое-то проклятие тяготеет над этим городом. Даже мухи были здесь угрюмыми. Недаром говорят, что мухи, как и цветы, концентрируют настроение людей, живущих рядом, их психическое состояние.

Водка не согревала. Лето было чахоточным. Явно обозначилась какая-то смутная тревога. Санлеп вдруг почувствовал приближение чего-то большого, неожиданного, необъяснимого. Уж не астероид ли в Землю врежется?

Он огляделся. Ни видимых признаков, ни малейшего намёка. Но что-то всё-таки было в зашпешившем ветре, в хороводах призрачных бесплотных теней, в штабеле полустгнивших досок, в широком рукаве дыма, выплывающем из заводской трубы.

Это было в самой природе. Она никогда ничего не даёт без того, чтобы что-то не взять взамен. А сейчас она затаилась, как пантера перед сумасшедшим прыжком. Что-то непонятное и загадочное было в ней, это томило и раздражало.

Всё внимание Санлепа переключилось на Хмыря. Как только начали второй флакон, он забурел. И неожиданно вырубился, опрокинув фунфырь. Вот что значит отвычка от прежних доз.

Что же делать? Время поджимало, но сколько натикало, оставалось тайной – часы в общаге недавно кто-то снял, когда их хозяин спал. Прямо с руки, но так аккуратно, что Санлеп ничего не почувствовал. Если на зоне крысятничество каралось строго, и украденное, как правило, возвращалось, то тут и пожаловаться некому – смотрящего у «химиков» нет. А нет пахана – творится форменный беспредел.

Бросить Хмыря и уйти – никто не поймёт. Да и совесть не позволяла. Между тем неночевка в общаге – это стопроцентный возврат в зону, причем время работы на «химии» в срок отсидки не засчитывалось. Привести Хмыря косого в дупель – тот же компот. Ждать, когда он протрезвеет – неночевка. У медведя лапа шире, да и тот в капкан попадает.

И так палево, и эдак.

И по солнцу нельзя сориентироваться. Березники находятся на одной параллели с Питером. Здесь с конца мая тоже белые ночи. К середине июля они кончаются, но в том году и весна, и лето несколько запоздали.

2

Тем временем стаи чаек и ворон с шумом и истошными криками – можно подумать, что они кому-то нужны, чтобы их гонять, – уже отбывали на ночлег. Окутанная зловонным дымом, свалка была овеяна какой-то дремучей тайной. Ветер шуршал в обрывках газет; пузыри газа, созревающие под напластованиями металла, дерева, полиэтилена, пластика, нитрокрасок, гниющих овощей и прочей дряни, врываясь на свет Божий, как чертики из табакерки, лопались с шумом, выплёскивая наружу, казалось, саму изнанку всякой жизни..

Неофициальный комендант свалки Дядя Том, потягиваясь, вышел из своей хижинки – такие убогие строения даже ее «архитекторше», Бичер-Стоу, не могли присниться в самом кошмарном сне. Когда-то Дядю Тома звали по имени-отчеству: Николай Никанорович. Он жил себе и не тужил, работал в приличной вроде бы фирме бухгалтером, были у него и семья, и квартира, и машина. Но однажды оставил коллеге чистые листы с личной закорючистой подписью, дабы что-то ускорить, а сам укатил по своим бухгалтерским делам в Белокаменную.

Когда Дядя Том вернулся, глаза у него полезли на лоб. Его просто-напросто кинули. Чистые листы с подписью обошлись дорого: нужно было выплатить столько долгов, что пришлось продавать почти за бесценок и машину, и квартиру. И главное – никто не поможет, никакие правоохранительные органы. Сам виноват. А правоохранители не заступились и впереверт здравому смыслу отмотали пострадальцу на полную катушку, усмотрев во всём этом его хитроумные махинации. Откупиться уже было нечем.

На работу после лагеря с «волчьим билетом» никуда не брали, да и Дядя Том не больно-то и хотел. Понял: человек устроен так сложно, внутри него столько разного совмещается, что и не всегда поймешь. И Дядя Том решил выживать без помощи государства. Обтерпелся. Помыкавшись по подвалам и подворотням, забрел как-то на свалку. Да так здесь и остался, прирос к ней, как пересаженный куст. Вырыл, как и другие бомжи, землянку, потом соорудил из бракованных древесно-стружечных плит и трухлявых столбов хибару. Обшил потолок и стены картоном и бэушными железными листами, утеплил, печку-буржуйку раздобыл, и теперь здесь зимой маленькие тропики, можно и чайком побаловаться. А ещё Дядя Том посудой обзавёлся, кроватью с матрацем и злющим-презлющим собакевичем, чтобы нажитое

добро охранял. В общем, зажил совсем, как олигарх в Рублёвке, как считают другие, менее обеспеченные бомжи-дикоросты. Но у них всё впереди. Они и понаглее, и порукастее.

Дядя Том прихватил на всякий случай монтировку, потому что в последнее время жить тут стало небезопасно. Беспредельщики, неизвестно откуда взявшиеся, совершенно наглым образом грабили обитавших поблизости в землянках и наскоро сколоченных лачугах бомжей, отнимали всё, что им удавалось раздобыть благодаря упорному старательскому труду. Забирали даже продукты с просроченным сроком годности. А в загашнике у Дяди Тома хранилось с десятков метров свинцового кабеля – по свалочным меркам, целое состояние.

Накануне же случилось ещё кое-что. Какие-то ловкачи согласно официальной версии взяли в строительном управлении в аренду колёсный экскаватор, а согласно неофициальной – угнали, и ночью начали какие-то разработки на полигоне бытовых отходов.

Обитатели свалки, сплотив свои ряды, дружно выступили на защиту корпоративной собственности. Но механизированные пришельцы не желали слушать, что они копают там, где когда-то производили захоронения скота, погибшего от сибирской язвы. Они предъявили контраргумент: два вороненых ствола. И даже, говорят, пальнули вверх для острастки. Не наигрались, похоже, когда были румяными пионерами, в «Зарницу».

Естественно, бомжей как ветром сдуло. Какая-никакая, хоть и бомжеская, а всё-таки жизнь, и расставаться с ней никому не хочется.

Но что искали неизвестные, никто не знал. Вряд ли бы они так рисковали ради цветного металла. На рассвете пришельцы исчезли вместе со своей техникой, отбрасывающей колесами ошметки сырой земли, и больше на свалке не появлялись. Но нашли они то, что искали, или же нет, было неясно. Как и то, вернутся ли они снова.

А что черные копатели хотели обнаружить? Тайна. Версий было, как минимум, две. Лёня Пузырь предположил, что на свалке захоронено какое-то ценное лабораторное оборудование, с помощью которого алхимики пытались получить золото. Это были, дескать, кандидаты и доктора наук, расстрелянные в 1937 году по обвинению в покушении на жизнь Сталина и его окружения. Но Поля Маленькая, подруга Дяди Тома, подняла Пузыря на смех:

– Налопался, наверное, вчера самогонки – цельный ведь мешок из-под риса бутылок набрал, – вот у тебя и глюки. С литрухи-то у кого их не будет!?

– Закрой хлеборезку, а то кишки простудишь. У самой у тебя глюки! – огрызнулся Лёня. – Я себя контролирую, не то, что некоторые.

– Если бы контролировал, такую муру не городил. Эта свалка только десять лет назад появилась. О каком покушении на Сталина речь, олух?

И тогда родилась вторая версия: искали бриллианты, припрятанные какой-то законспирированной бывшей дворянкой. Но разве их теперь найдёшь в этих Гималаях мусора?

Размышляя об этом, Дядя Том поёжился от холода, и уже собрался нырнуть в своё логово, как вдруг что-то заставило его обернуться. И увидел Санлепа и совершенно бухого Хмыря.

– Вы что тут делаете? – спросил Дядя Том. – Ангидрид вашу перекись марганца! Вы хоть знаете, чья эта территория?

– Нет, – сказал Санлеп. – Мы – «химики». Мы здесь совсем недавно. Но мы сейчас уйдём.

– Но если «химики», тогда ладно. «Химиков» уважаем. Может, помочь чем? Какие проблемы?

В помощи Санлеп и Хмырь не нуждались. А проблемы были.

Санлеп выждал немного и стал будить Хмыря. Бесплезняк! Торчок. Дерево деревом. Хмырь только мычал, как бурёнка во время обеденной дойки. Бледный, как полинявший рак,

он открыл осовелые глаза лишь тогда, когда Санлеп брызнул ему в лицо тухлой водой из лужи. Но отходняк продолжался ещё довольно долго. Потом сопузырником приходилось путеводить, когда они шли к троллейбусной остановке. Если это можно назвать продвижением к цели. Два шага вперёд и три назад.

До вечерней поверки, как утешил из чистосердия ещё один «химик» – он жил рядом, но в другой общаге, – оставалось всего минут двадцать.

– Не дрейфь, – успокоил он. – Мы при дверях уже, успеем.

А троллей прибыл такой набитый, что его амбразура никого не выплюнула. Народ возвращался с какого-то концерта заезжих гастролёров.

И все же Санлеп ухитрился утрамбовать нутряк, втолкнул Хмыря, а сам, увы, не успел убраться. Химик из соседней общаги каким-то чудом нашёл зазор и втиснулся в людское месиво.

«Ничего, – приободрял себя Санлеп. – За опоздание на поверку в лагерь ещё никого не отправляли».

Но сама судьба опустила шлагбаум. Вот блин дырявый! Следующий троллейбус прикатил примерно через полчаса. У него был совсем другой маршрут. Санлеп это не сразу понял – город он совсем не знал. А когда понял, было уже поздно.

Он очутился в незнакомом ему районе. И возникло такое чувство, будто город сжимается вокруг него хищной змеей и начинает душить. Но нет – ложная тревога! Дорога уходила в никуда, впереди не было ничего, кроме этой серой бетонной ленты и геометрически правильных промышленных профилей с высокими трубами, и Санлеп шёл, не чувствуя ни вялого ветра, ни колдобин, шёл уже без определённой цели – просто, чтобы идти, переставлять ноги. Он так задубел, что хотел только одного: чтобы все это быстрее закончилось. Враньё, что летом каждый кустик ночевать пустит.

Теперь зона светила реально. Надо же себе так подкеросинить! Считал, что осталось всего ничего, а полгода горя сгорели, срок не убавился. Раздобытки радостей обернулись бодягой – ненужным, муторным делом. Воля, такая желанная за решёткой, стала казаться совсем далёкой. Не оставалось ничего, только утраченные мечты. Теперь что – совсем обезнадёжиться? Мыслимо ли это, чтобы опять оказаться на беспризоре судьбы?

Ночь наступила незаметно, он не успел удивиться, откуда она взялась. Санлеп пилил вдоль длинного забора, которому, казалось, не будет конца. И куда всё подевалось? Где попрятались нецеломудренные весталки – жрицы секса за деньги, патруль со своими фузеями, бандиты, наконец? Где они?

Всё вокруг было окутано молочной мглой и блеском серебра. Неожиданно спину выгорбил мост. Под ним плескалась вода, днём напоминавшая рыбий жир. Теперь она отливала перламутром. Но красота светлой уральской ночи совсем не вдохновляла. Тишина, как на погосте, в небе – молчаливая, холодная, как лёд, луна.. Куда-то скрылось автомобильное стадо, никогда не подчиняющееся пастухам-гаишникам.. Скрылось наглухо, хотя на всех автоаладельцев гаражей, как и везде, не хватает. Неужели ночь располагает собственными гаражами?

В её тишине таилось что-то страшное, а город с его пустоглазыми домами выглядел покинутым, мёртвым. Не было ни ментов, ни тех, кого они ловят. Вообще никого.

Тишина обволакивала, словно кокон куколку капустницы; где-то невдалеке раскачиваемые ветром жаловались на жизнь качели на детской площадке; заламывали вместо съеденных дождями и снегами рук прутья арматуры гипсовые глухонемые статуи в парке. В каком-то безумном хороводе кружились, как мотыльки, огни, всё плыло перед глазами. И странная мысль пришла Санлепу в голову: наверное, в городе человеку проще забыть о своём прошлом, когда хочется закричать от боли и отчаянья: здесь редко возникает ощущение ограниченности мира.

Дорога шла под изволок, когда среди скороспелых построек и пыльных кустов бузины и лещины затеплился живой огонёк. Потянуло чадным дымом. Санлеп обрадовался: есть хоть одна живая душа, кроме луны.

Это была будка путевого обходчика, причём в черте города. Только теперь Санлеп разглядел, что кругом всё исполосовано рельсами. Рядом с будкой чахли низкорослые цветы, росло дерево – кривое, измочаленное ветром. Под ним сидели две лохматые шавки, всем своим видом показывая, как им скучно от того, что лаять не на кого.

Он взял курс прямо на них. Собаки вытаращили глаза, поджали хвосты и нерешительно тявкнули. Из будки вышла женщина средних лет в телогрейке.

– Здравствуйте! – выпалил Санлеп. – Разрешите у вас погреться. Закоченел, как дерево на морозе.

– А кто ты такой есть? – насторожилась женщина. – Ты, чай, не нанюхался случаем?

И он рассказал всё, как на духу. О том, что не бросил закосевшего собутыльника, а сам поехал по незнанию в другую сторону...

– Ну и? – спросила обходчица.

– И всё. Долго шёл неизвестно куда, пока не выгреб на вашу будку.

– Складно толкуешь. Ладно, пойдём, чаем напою.

Какое счастье, пусть кратковременное! Его не прогнали, как прогоняют тех, кому не верят. И вот блаженное тепло, излучаемое, электрообогревателем, растекается по телу. Обходчица сварганила какую-то похлёбку, налила ему кружку чая. Такой на зоне называют байкалом – там слишком жидкий не пьют. Но Санлеп был рад и ему. А ещё – сочувствию этой располневшей женщины, годящейся ему в матери, с доверчивой улыбкой на лице, которая, как отмычка к любому сердцу, запертому на замок. И он, разморённый, задремал, взъездившись на табурет.

Его разбудил мощный взрыв. Ядерный? Вроде бы нет. Но звук был таким сильным, что Санлеп испугался за свои перепонки, которые запросто могли лопнуть. От ударной волны по оконному стеклу зазмеилась трещина. Световая вспышка, за ней вторая, третья. Яркое зарево раскрасило засвинцевевшее небо.

В будку вбежала насмерть перепуганная телогреечница. Она кормила собак

– Неуж война?

Санлеп сам не знал, что это такое, но утешил обходчицу, как мог. Где-то в глубине души он осознавал, что этот взрыв дорого ему обойдётся.

Он расспросил женщину, как ему добраться до общаги, запомнил, как её зовут. Всё это ему может пригодиться, когда станут допрашивать, где провёл эту ночь.

Часы с гириями на стене будки показывали без четверти пять утра. Транспорт ещё не ходил. Санлеп надеялся поймать тачку или левака, денег хватило бы. Если его закроют, они не понадобятся.

Увы, благие надежды не оправдывались. Шёл же он ещё ходче – отдохнул как-никак.

Город, похожий на улитку, спал, только кое-где мелькали слабые огоньки. Такие же тусклые, как и люди, которые его населяют. Местный пролетариат давно уже разложился и ушёл в коллективный запой. А сейчас отсыпался перед похмелькой. Воскресенье, как-никак. Впрочем, это Санлепа волновало мало – ему не по дороге с пролетариатом, изменившим своему рабочему делу, и очень скоро покинет этот город, причём не важно, куда направится: снова на зону или куда угодно, как человек свободный. Важнее другое: в памяти от этого унылого города останется только название.

Санлеп шёл по пустынным улицам. Его сопровождала лисья усмешка бледной луны. Предутренний свет был холодный, тревожный. Позади остался длинный, безмолвный пустой квартал, но атмосфера напряжения не покидала. Она не улетучилась и после того, как всё-таки удалось поймать «левую» телегу.

За баранкой старого раздолбанного «Москвича» сидел такой же древний кадыкастый айзер. Услышав, что Санлепу надо в комендатуру, замахал руками, ровно его муха куснула:

– Нэ, туда нэ поеду.

– Почему?

– Э, дарагой, Аллах не велит. Химия – одна сплошной бандит.

– Там же и мусульмане есть. Разве Аллах запрещает им помогать?

Уговоры не действовали. Согласился айзер ехать только за двойной тариф. Да чёрт с ней, с оплатой! Вернее, не чёрт, а шайтан. Лишь бы скорее закончилась эта безалаберщина и бес-толковщина.

Драндулет зачихал от удивления, что поехал. Но поехал дребезжа и с каким-то прискоком. И недалеко. Санлеп, сам того не ведая, спалил и водилу. Его повязали заодно с ним.

Когда «Москвич» подрулил к общаге, Санлеп увидел стоящий наискосок у подъезда белый милицкий фургон, а вплотную к ступенькам – автозак. В него грузили Хмыря.

«Все! Приплыли!» – пронеслось в голове.

Так и есть! Из фургона посыпались гоблины. Но причем тут спецназ внутренних войск МВД? Неужели неночевка – это такое тяжкое преступление? По сути дела, и не преступление вовсе, а просто – оплошка, нарушение режима содержания.

Мысль не успела оформиться. Дверцы «Москвича» одновременно рванули с двух сторон. Ствол Макарова уперся Санлепу в щеку.

Хрясь! Довольно болючий удар в плечо, которое сразу заныло.

– Выходи! Руки в гору! На землю!

И тут же градом обрушились точно выверенные удары в болевые точки. Лупцевали всем гамбузом. Под ребра, в голову, по почкам. Обычная ментовская отоварка. Иначе не бывает. В этом они мастера – всемером на одного. Причём бугаи, как на подбор.

– Хорош, не надо делать жмура! – раздался грозный окрик усатого старшего.

Он говорил с кем-то по рации:

– Порядок – сто процентов! Мы его упаковали! Сейчас отправим в Пермь на вертушке...

«В Пермь?» – удивился Санлеп. – Но почему туда? Почему не в Москву? Или в Ригу? Одна нелепица сменяла другую. Какие-то фигли-мигли – совершенно непонятные шутки. Впрочем, всю эту тягомотину шутками назвал бы только насквозьшибанутый.

По лицу Санлепа текла кровь. Нет, его определенно спутали с кем-то другим. То, что случилось, случилось не с ним.

По идее, Санлепа должны были закрывать вместе с Хмырём. Сразу, на месте. А потом предстоял дальний этап в Латвию – в тот лагерь, откуда он прибыл. Правда, говорят, что в последнее время из экономии денег провинившихся «химиков» пе реводят в ближайшие колонии. Но почему его перевод обставлен с таким шиком и с таким почётным караулом? Неужели ещё какое-то чужое дело шьют?

– Вы, часом, не ошиблись? – сказал он распухшими губами. – Что-то у вас вперегиб. Моя фамилия – Рябинин, зовут Александр Васильевич. Год рождения...

– Ты-то нам и нужен, дружок, – прервал его командир. – Как и твой поделник.

Субтильный айзер лежал рядом, бревно бревном, и тоже в браслетах. Какой-то просветлённый. Только потел, как редька, которую круто посолили. Он вообще ничего не понимал. В этой метефизике. Учитывая его престарелость, «поделника», кажется, не колбасили, как Санлепа.

Доставили их в Пермь на вертолете. Такой чести редко удостоиваются даже воры в законе. Но по какому такому случаю?

«Подельник» Санлепа сидел молча. Видимо, очень жалел, что согласился подбросить «химика» до комендатуры. И попал под раздачу. Теперь он не знал совсем, для чего надо жить и для чего умирать. И внезапно им, как кавказцем, пусть даже аксакального возраста, овладело мужество отчаянья, дабы доказать, что он чист, как героини Тургенева. Айзер взбеленился, вскочил и хотел кинуться на Санлепа. Он словно был в невменяйке: всё его хилое тело трясло, как в лихорадке, глаза налились кровью.

– Бандит! – успел выкрикнуть он, но его шандарахнули довольно прилично по темечку, и он окончательно сдулся, театрально закатив глаза.

– Жив этот Мухомор? Не переборщили? – спросил старший конвоя. Менты сами дали кличку айзеру. Как говорят, с кем поведёшься...

– Жив, – ответили ему. – Куда он денется? Старое чучело, а туда же. Теперь чёрта лысого кто ему поверит, что не при делах.

– Смотрите лучше, – сказал старшой, разглаживая усы. – Клювами щёлкать нельзя.

Попытки Санлепа разговорить конвоиров ни к чему не привели. Молчали упорно, темнили. Только один из них, прапор, процедил сквозь зубы с равнодушием патологоанатома:

– Достал со своей заморозкой! Он ещё и спрашивает, почему в Пермь? Да потому, что доигрался сверх нормы, как хрен на скрипке!

Добрались за час с небольшим. Если на машине трястись – километров двести на спидометр накрутишь, а тихоходный МИ-8 (разумеется, по нынешним понятиям) кроил расстояние напрямки, не признавая никаких светофоров и отстойников. Но насладится видами с высоты не пришлось – иллюминаторов в салоне попросту не было. Это была какая-то особая разновидность транспортных вертолётот. Возможно, просто модифицированная, приспособленная для перевозки пассажиров, сопровождаемых ментами.

И вот – следственный изолятор на улице Клименко. Похож на крепость. Построенный ещё при Екатерине II, он не склонен кичиться своей богатой историей, хотя здесь когда-то чалились вольнодум Александр Радищев, декабристы, петрашевцы. При Сталине – «враги народа», «вредители». Их было столько, что пришлось возводить новый корпус. Всё равно не помещались, приходилось периодически излишки пускать а расход.

Раньше улица называлась Чердынской. Нет, переименовали. Была такая страсть у большевиков. Но кто такой Клименко, мало кто смыслит. Потому что на самом деле никакого Клименко не было. Была только партийная кличка участника двух революций Василия Чекмарева. Да и жил он совсем в другом месте – на улице Сибирской.

У этого ветерана, как рассказывали потом эки, судьба сложилась довольно путёво. В отличие от многих своих соратников, которых шлепнули во время репрессий. Ушёл он в мир иной, благодетельствованный совдепами, своей смертью в 77 лет.

Но странная улица в честь того, кого на самом деле не было, живёт не менее странной жизнью. С тюрьмой соседствуют роскошные особняки и ветхие халупы. Забором, как лагерь колючкой, огорожен Петропавловский собор. Парк, как магнитом, притягивает велосипедистов. У них тут сходяняк, какие-то призовые пробеги...

Обо всём этом Санлеп узнал позже. А в тот момент он готовился ко второй ходке за решетку. Пермская тюрьма, как многие другие тюрьмы, подавляла своей архитектурой. Экая громадина! Корпуса высоки, расположены в виде буквы «П». Чтобы попавшего сюда никто не видел, кроме пупкарей-вертухаев и таких же, как Санлеп, эков. Всё продумано, как у составителей кроссвордов. Максимум три месяца изоляции – и человек перестаёт думать о воле. Вертухаи, кум, следователь – все впересвист внушают сидельцу, что он живёт несвободой, что надо забыть о том, что было вчера, в прежней жизни. Впрочем, и сам унылый камерный инте-

рьер тому способствует, и подозреваемый – пока у него только этот статус – уже не ожидает ничего хорошего, да и в тюрьме ничего хорошего ждать нельзя. Никакого улегчения не предвидится.

Впрочем, дело даже не в тюрьме. Дело в самой заскорузлой системе. Закон, Конституция – всё это филькина грамота, непонятно для кого писаная. Тюрьма и зона скопированы с модели государственного устройства. Здесь есть всё: и народ – зэки, и чиновники – представители администрации, и охрана – пупкари и часовые на вышках, и хозобслуга – бычарня, и абвер – кумовьё, бесчисленные стукачи и наседки, и своя индустрия – промка или рабочка, и даже увеселения – кино по воскресеньям. И везде, как и во всей стране, процветают беззаконие и коррупция. Только ещё более бесстыдные. И трудно требовать от преступников не нарушать закон, если их помещают в такую атмосферу. Отсюда и главный вывод: тюрьма наша нацелена на уничтожение человека как личности и просто, чтобы его крючить, то есть, на элементарную ликвидацию, а не на перевоспитание. Значит, тут основная задача зэка – не сло-маться.

Тюрьмы, кстати, бывают разной масти. Как и те, кто их населяет. Эта разнота состоит в основном из «черных» и «красных». Зоны тоже. Только «химики» бесцветны, как моль.

Строго говоря, окрас зависит от того, чьи понятия царят – ментовские или воровские. Пермская тюрьма тогда была «черной». Это означало, что братва могла столкнуться с хозяином и главкумом насчет грева. Разумеется, и они в накладе не оставались. Но на что не пойдешь, если передачи тем, кто находится под следствием, тогда вообще не разрешались?! Такую безурядицу пережить трудно. В лагерях всё-таки полегче, но и там, чтобы получить дачку, нужно было отмотать полсрока. А если загрузили зэка, как самосвал, – от всей широкой судейской души? Скажем, пятнашку на уши повесили. Как тогда? Пройдет только семь с полтиной лет, прежде, чем придёт грев? Да за это время и коней нарезать можно. Если же ты в тюрьме на строгом режиме – вообще капут. Первый месяц питают баландой по пониженной норме, могут и в одиночку закрыть. Это сейчас – другой компот: продукты в камерном душняке тухнут, съесть их не успевают. А в то время – в хатах голяк, куцая мечта о пайке хлеба, не больно-то пожируешь. Но вот выходили как-то из положения. С зубовным скрипом, если зубы ещё присутствуют, если не обломали их на сухарях.

Ну как тут не вспомнить царские тюрьмы! Ежедневный рацион зэков в начале XIX века включал в себя полтора килограмма хлеба, фунт мяса, 100 граммов крупы (обычно варили пшеничную или гречневую кашу, приправляя её салом) и 10 золотников соли (42 грамма). В середине позапрошлого века зэков неожиданно побаловали молоком и овощами. Чтобы не было цинги, им выдавали чеснок и лук.

А взять режим содержания. Арестантам можно было гулять по двору до захода солнца, они устраивали концерты, чаепития, митинги. За целковый охранники приносили из соседней лавки и вино, и водку, и фрукты. Ну, чем, спрашивается, не курорт? Кому такая отсидка лафой не покажется?

В Пермском СИЗО, как и в других тюрьмах, была и «обиженка». В ней мариновали засвеченных стукачей – выломившихся из общака, а также опущенных. Тубиков – больных с открытой формой туберкулёза держали тоже отдельно. Согласно легенде в начале 60-х годов в камеры набивали всех скопом – и это было действенным средством ломки инакомыслия. Диссиденты, изнуренные длительным пребыванием в карцере, тотчас же заражались. И уже не пороли горячку, как раньше. Болезнь подтачивала силы.

В тридцатые годы перевоспитание трудом называли «перековкой». Кто изобрёл этот термин, неизвестно. Он широко употреблялся в разговорной речи, в газетах и приказах [ОГПУ](#). За строительство Беломорканала пятьсот больших и маленьких начальников и даже несколько заключённых были награждены орденами и медалями; каждого шестого зэка либо освободили вообще, либо скостили срок. Но политических это не касалось, а если и коснулось кого-то, то это расценивалось в верхах, как ошибка.

Но государственная политика перевоспитания по отношению к блатарям, которых власть называла «социально-близкими», в отличие от политических заключённых, была профанацией. В стране студенело, гайки затуживали. А уголовники чувствовали себя, как чистоводные рыбы. Десять тысяч блатных, которые вышли из тюрем раньше времени, совершили двадцать тысяч мокрух и сорок тысяч гоп-стопов. Но командирство и идеологи перековки и в ус не дули.

У истоков перевоспитания трудом стоял Максим Горький. Когда-то он писал: *«Когда труд – удовольствие, жизнь – хороша! Когда труд – обязанность, жизнь – рабство!»*. Но вскоре сам же себя и опроверг. Взял и воспел труд рабский, подневольный. Это была ложь в четырех измерениях: и самому себе, и зэкам, и тем, кто их охранял, и вообще — всему честному миру. Это была величайшая ложь в истории человечества.

В июне 1929 года Максим Горький наведлся на Соловки, не обошёл стороной и Соловецкий лагерь особого назначения – СЛОН. Он беседовал с многими из зэков, выслушивал их жалобы, но практически никому не помог.

Особую благодарность «Буревестник» высказал соловецким чекистам: *«Я не в состоянии выразить мои впечатления в нескольких словах. Не хочется, да и стыдно (!) было бы впасть в шаблонные похвалы изумительной энергии людей, которые, являясь зоркими и неутомимыми стражами революции, умеют, вместе с тем, быть замечательно смелыми творцами культуры»*.

А что же о настоящих творцах культуры — поэтах, писателях, художниках, философам, музыкантах, актерах? Тех, кто томился в застенках инквизиторов? Что сказано о разграблении монастырей и церквей? Да, по сути дела, ничего вразумительного.

Командировка Горького (её ещё называли инспекторской проверкой) на Соловки имела, прежде всего, пропагандистскую подоплеку. Перед этим в Великобритании вышла книга белого офицера Созерко Мальсагова «Адский остров», совершившего дерзкий побег с Соловков. И вся Европа вздрогнула от ужаса. Большевикам нужно было ответить на удар по их людоедской идеологии. «Буревестник революции» как раз и подходил как нельзя лучше к этой роли. «Защитник униженных и оскорбленных» – сей титул он присвоил себе сам – должен был в пух и прах разколошматить наглухо «фальшивку».

Горького ожидали на Соловках как манну небесную – как спасителя и заступника, но заступника в нём не нашли. Не то задание имел, да и чекисты усиленно прятали всех, кто хотел ввести писателя в курс дела, познакомить его не с показушной, а с изнаночной жизнью лагеря, кто не боялся сказать правду. Таковых отправляли на дальние этапы, навели относительную чистоту в лазарете...

Увы, с повальной показухой ничего не вышло. Горький своими глазами видел, как на Поповом острове погрузку парохода «Глеб Бокий» вели заключенные, одетые в мешки с прорезями для рук и ног. Но... «Буревестник» сделал вид, что ничего крамольного не заметил..

20 июня 1929 года писатель вместе с женой своего сына Тимошей сошёл на пристань в Бухте Благоденствия. Злоязычники пустили такую байку, что Горький и с ней был близок – это, кстати, трудно опровергнуть, поскольку одна из внучек (или дочек) «Буревестника» была точной его копией. Надежда Пешкова была вся «кожаная» – кожаная фуражка, кожаная куртка, кожаные галифе (подарок Генриха Ягоды, который, кстати, тоже числился в её любовниках). Их повели в общежитие, но Горький с невесткой не зашли ни в одну комнату. В санчасти гостей

встретили врачи в белоснежных халатах. Больных не наблюдалось – зэкам болеть не положено. Доходяг накануне расстреляли, чтоб не портили общий пейзаж. В карцере закоренелые архаровцы... читали газеты. И тут Горький тоже «не заметил», что один из них держал газету «кверху ногами».

Самый пронзительный, самый позорный эпизод, согласно устным рассказам соловчан, произошел в детской колонии.

– Дедушка, – выступил вперед четырнадцатилетний мальчишка. – Все, что тебе показывают, – это неправда. Хочешь, я тебе кое-что расскажу?

Горький остался с ним наедине. Подросток битый час живописал все «прелести» жизни в Соловках. Под конец сказал:

– Если ты меня не возьмешь с собой, меня сегодня же прикончат.

Горький не взял. Взять он не мог – таких полномочий у него не имелось. Вышел с опухшими от слез глазами. И... поехал на дачу к начальнику лагеря, пригласившего писателя пообедать. Судьба мальчишки по сей день неизвестна.

После возвращения в Москву Горький опубликовал в «Известиях» и в журнале «Наши достижения» статьи о Соловках. В них прослеживалась одна-единственная мысль: Соловками на Западе страшат зря, там – всё в цвет, всё – полный улёт. Среди узников СЛОНа ничего, кроме раздражения и возмущения, это не вызвало. Они грозились расправиться с «Буревестником», показать ему кузькину мать.

Но Соловки были только прелюдией великой истязаловки народа. Первую великую стройку придумал турецкий еврей Нафталий Френкель по пути как раз на Соловки. Проект Френкеля предусматривал прокладку канала протяженностью 227 километров. Он должен был прорезать Карелию от Онежского озера до Белого моря, связав Балтику с водами Севера. Этот канал, как трубила тогдашняя пресса, *«призван стать первым звеном сталинской программы реконструкции водных путей Союза»*.

Но система исправительно-трудовых лагерей, которые создавались в необжитых местах, требовала создания инфраструктуры: строительства дорог, мостов, промышленных предприятий, электростанций. Нужно было сделать эту систему самоокупаемой. Ягода настаивал на том, чтобы ОГПУ и расследовало преступления, и судило, и одновременно исполняло назначение наказания. То есть, превратилось бы в отдельное государство в государстве.

Сталин дал добро. Перспектива построения социализма через труд заключенных его вдохновила. Была отменена «реакционная» система равенства в обеспечении арестантов питанием. За невыполнение нормы и без того скудная пайка урезалась. Вводилась система зачетов: сроки заключения могли быть уменьшены при условии, если зэк работает по-стахановски. Но ищачили не блатные. «Социально близким» приписывали то, чего они не делали.

1 мая 1933 года Ягода докладывает вождю, что всё готово. В июле «отец всех времен и народов», Ворошилов и Киров пускаются на катерах по каналу. А в августе того же года тем же маршрутом Сталин отправляет большую группу литераторов (120 человек) во главе с Максимом Горьким. Писатели добросовестно отработали свой хлеб, накропав книгу, в которой на все лады славили Сталина и Ягodu. Наверняка они знали о том, что десятки тысяч арестантов дали дубаря, не выдержав понуканий и сумасшедшей гонки, обложных дождей, осенней непролази и выюжных ветров. Их тела бросали прямо в бетон при заливке шлюзов и причальных стенок – экономили даже на гробах. И канал был протянут практически без применения какой-либо техники – всего за 20 месяцев. Это было непостижимо. Панамский канал длиной 80 километров строился 28 лет.

Сталин остался доволен. Ягода, и еще 11 человек – в основном его приближенные – получили ордена.

А что же писательская братия? Её встречали повсюду хлебом-солью. Автор нашумевшего в 50-х годах прошлого века детектива «Над Тиссой» Александр Авдеенко так описывал эти

пиршества: *«Я ошалел от невиданного изобилия. На огромных блюдах, с петрушкой в зубах, под прозрачной толщей заливного, растянулись осетровые рыбыны и поросята. На узких длинных тарелках розовели ломтики истекающих жиром теши, сёмги, балыка. Бессчетное количество тарелок завалено пластинками колбасы, ветчины, сыра. Плавали в янтарном масле шпроты. Пламенела свежая редиска. В серебряных ведерках, обложенных льдом и накрытыми салфетками, охлаждались водка, вино, шампанское, нарзан, боржоми»*. А в стране, между прочим, еще свирепствовал голодомор. Деревни обезлюдели – крестьяне потянулись в города, сыпной тиф уносил тысячи жизней...

Ягоду арестовали как врага народа. В дни, когда шёл судебный, а вернее, провокационный процесс над участниками право-троцкистского блока, Джамбул Джабаев опубликовал уже не панегирик:

*«Попались в капканы кровавые псы,
Кто волка лютей и хитрее лисы,
Кто яды смертельные сеял вокруг,
Чья кровь холодна, как у серых гадюк...
Презренная падаль, гниющая мразь!
Зараза от них, как от трупов, лилась.
С собакой сравнить их, злодеев лихих?
Собака, завыв, отшатнется от них...»*

Находился за решеткой и главный редактор журнала «На литературном посту», шурин Ягоды Леопольд Авербах. И Авербах обращается к наркому внутренних дел Николаю Ежову, дни которого тоже сочтены, с поклёпом на бывшего шефа.

Но никаких дивидендов из этого доноса автор не извлёк. Его расстреляли на полгода раньше своего родственника. Книгу о Беломорканале изъяли из библиотек.

6

Прилетевших из Березников ментов и их добычу встречал сам начальник изолятора полковник внутренних войск белесоглазый Петр Вознюк. Выражение лица совсем не зверячье, скорее, даже добродушное. Редкий экземпляр среди тюремщиков.

– Что-то они не очень похожи на диверсантов, – сказал он сопровождению. – Особенно тот, горбоносый, нерусский. Не могли найти экстремистов помоложе? В тюрьме отощат, вообще в скелеты превратятся. Трудно поверить, что такие заморыши центнер динамита заложили. Сила взрыва как раз этому эквивалентна.

Но потом добавил:

– Ладно, разберёмся. Копачеством доказательств следователи займутся. Теперь им казывать. Что-то да накопают, на что-то напихнутся. Такая их работа.

Сказал вроде бы негромко, но Санлеп услышал. Теперь он, кажется, окончательно въехал. Его неночевку кто-то решил связать со взрывом на руднике. И то, что у него полное алиби, что нет никаких косяков, никого не волнует. Этой версии прокуратура будет придерживаться до конца. Наплевала она на реальность и закон. Закон писан для тех, кого сажают. А здравый смысл тут вообще сбоку. В общем, тухляк, гиблое дело. Как и тогда, когда Санлеп в первый раз залетел. Те же яйца, только в профиль. Да и сейчас вряд ли отчешешься.

После дотошного шмона с раздеванием и приседаниями (а вдруг что-то в заднем проходе спрятал!), съёма отпечатков пальцев, фотографирования и помывки почти холодной водой вертухай – лицо у него было какое-то непроницаемое, целлофановое – загрузил Санлепа в маломестную камеру. Хорошо, ещё не клизмировали – такое тоже бывает, когда подозревают, что наркота в желудке. Слава Богу, никто еще не додумался взрывчатку глотать.

Айзера поволокли куда-то дальше. Вместе им нельзя: станут якшаться – сговорятся. Басурман пытался сопротивляться, что-то кричал, но его быстро вразумили дубиной, и бабай заглох. Санлепу даже жалко его стало – он вообще не пришей кобыле хвост.

Санлеп знал на собственном опыте: попытки что-то доказать в СИЗО обречены на провал. Тюремщикам, как и зэкам, много чего не положено, но они и бровью не ведут. Наоборот: создают душняк тем, кто на них телегу катит, шпыняют побольнее. Чуть что – зубобой.

Да и все без исключения менты этим ужалены. К примеру, Санлепа, должны были сначала доставить в лягавку, составить протокол задержания, а его измолотили и закинули именно сюда. В первый раз, в Латвии, было то же самое, только после измордования загрузили на пятнадцать суток. Обычная ментовская практика. Чтобы показать прокурору, когда фингалы перестанут офонарять окрестности.

Говорят, что если крупная мясня затевается прямо на улице, кое-кто кричит, зовёт на помощь. Но менты, чтобы не шокировать прохожих, мочили Санлепа за забором комендатуры. Никто и знать не знает. Родственники далеко, если они есть вообще, за «химика» не вступятся, не замолвят словечка. Да и в случае, если кто-то отважится на это, всё равно правды и справедливости не добиться. Только навредить можно.

Санлеп размышлял об этом и вдруг понял, что он не один. Сокамерницей его была не в меру любопытная крыса. Она вылезла из дальняка и, узрев своими маленькими глазками человека, поколебавшись секунду-вторую, нырнула, как чемпионка по прыжкам с вышки в воду, обратно. Это был её персональный бассейн.

Да, всё в маломестке то же самое, что и на общежитии. Жёсткие шконари, сваренные из труб и полос железа. Матрас с тремя комками ваты. Дальняк, отгороженный невысокой стенкой – слоником. Те же крысы. К водопроводному крану кто-то привязал ленточку, чтобы по ней стекала вода, а безостановочная капля не мешала спать. Стол, вбетонированный в пол. По-зэковски, дубак. Телевизор – ящик для посуды и продуктов, в котором посуда с продуктами и не ночевали. И здесь в трёхместке, тоже надо быть предельно собранным: ни одно твоё движение, ни один вздох не пройдут незамеченными, потому что они характеризуют. зэка. Не уйдешь в безоблачность – куда-то далеко-далеко, как в голоусом отрочестве...

А камера выглядела весьма непрезентабельно. Штукатурки нет и помине. Вместо неё «шуба» – набрызги бетона, чтобы зэки не писали на стенах, паутина, бахрома пыли. Между прочим, именно в «шубе» прячутся всякие бактерии, которым не страшна любая дезинфекция. Прежде всего, те, которые вызывают туберкулёз.

К тому же – никакого свободного пространства. Обычно в таких маломерках подселяют наседок – для понта щедро разрисованных татуировками стукачей. И те всю фискалят.

Но Санлеп пока в гордом одиночестве. Это даже непонятно как-то. Наверное, не успели подобрать кого-то из тех, кто уже имеет опыт раскалывания. Но всё ещё впереди.

Сидеть одному тоскливо. Санлеп по первоначально парился в Рижском центре в общей камере, где спали по очереди, но там зато легче было найти общий язык с кем-то. А здесь он наедине со своими мыслями, а они – вразброд. Коварная психологическая обработка. Ждут, чтобы сдался. Тоже маневр знакомый – «консервация»: пока «объект» не созрел и продолжает упрямо молчать, следователь не показывается. Хотя бывает и наоборот: подозреваемого допрашивают, когда он ещё тюремным духом не пропитался. У каждого следака свои примочки.

Мысли Санлепа унеслись далеко – в столицу Латвии. Рижская тюрьма, как гнойный прыщ на носу Риги, – в самом её центре – была построена в 1905 году. Среди её сидельцев – поэт Ян Райнис и Павел Дыбенко. Будущего супруга Алнександы Колонтай посадили в царское время за злостное уклонение от военной службы. При большевиках он был долго в фаворе, однако его они же и повязали 26 февраля 1938 года. Обвинён в участии в военно-фашистском заговоре в РККА, в шпионаже в пользу США и в связях с Михаилом Тухачевским, которого он сам

незадолго до этого отправил на расстрел. На следствии подвергался жестоким пыткам. Признал себя виновным во всех предъявленных обвинениях, кроме шпионажа; писал покаянные письма Сталину. 29 июля 1938 года Дыбенко был приговорён к вышке и казнён.

Централ после Второй мировой войны стал большим козлятником. Блатных здесь всячески третировали. Тюремная администрация специально отбирала физически крепких отморозков и наускивала их на авторитетов и положенцев. Санлеп знал о пресс-хатах, где воров даже опускали, и они, не пережив позора, резали себя заточками основательно – до ожмурения. Одной из таких камер была «Камбоджа», хотя эта страна давно уже называлась Кампучией. Но эки консервативны. Они запомнили раз и навсегда, что Камбоджей правил кровавый диктатор Пол Пот, обрекший на мучительную смерть и страдания миллионы ни в чем не повинных людей.

Смотрящего камеры тоже звали Пол Пот. Он был апельсином – по зёковским понятиям, присвоивший себе титул авторитетного вора, однако сам не прошедший лично всех типичных процедур и испытаний, необходимых для коронации. Это не прощается. Как он не упирался, его всё же отправили в лагерь – кумовью лишние свидетели, которые могут утопить, не нужны. И с Пол Потом обошлись сурово: его сунули головой а очко гальяна, где он захлебнулся. Кто на это сподобился – сами эки или же их охранители – никто не выяснял.

Практически вся бычарня СИЗО состояла из выродков. Опущенные даже были баландерами и ложкомоями. Для вора в законе попасть в Рижскую тюрьму считалось хуже смерти. Неужели он примет шлёнку (так эки называют миску) из рук гребня? И блатные в знак протеста вскрывали себе вены. Кого-то и не спасли. Или не захотели.

В марте 1985 года, когда Санлеп уже торчал на зоне в Шкиротаве, из централа был совершён удачный побег. Причем на это отважились именно козлы. Они захватили в заложники надзирательницу, хотя не исключено, что тут был сговор, вместе с ней важно проканалли через вахту и аккуратно свалили. Для расследования обстоятельств ЧП в Ригу приезжал заместитель Щёлокова Юрий Чурбанов. Но скоро и он сам оказался за решёткой. Его шеф покончил с собой ещё раньше.

...Тем временем свечерело. Перед отбоем обычно тюрьмы затихают, в недрах их зарождается особая, скрытная жизнь. В этот час начинает стрекотать телеграф.

Санлеп прислушался. Вызывали именно его. Он схватил тромбон – алюминиевую кружку, приставил её дулом к стене, а ухо приложил к днищу.

– Подойди к толкану, – сказал чей-то замогильный голос. – Есть о чём спросить.

Толкан – это еще одно название дальняка. Значит, связь налажена через канализационные трубы. Стояк проходит сверху вниз через все этажи, к нему сходятся сливы от унитазов двух соседних камер. Чтобы поговорить, надо удалить водную пробку. Когда воды нет, то можно базарить даже через несколько этажей.

Унитазы в тюрьмах появились в 60-х годов. Но не во всех. Параши – двувёдерные, а иногда и четырехведёрные цинковые бачки с деревянными ручками – выносили вдвоём или даже вчетвером. Они были непременными атрибутами камер дохрущевской эпохи, а кое-где остались как реликты вплоть до Горбачёва. Между тем первый унитаз был изобретен в Англии ещё в 1596 году.

Однако прошло три века, пока Россия спохватилась. И сразу же – скандал. В нём был замешан нижегородский губернатор барон Фредерикс. Во время голода 1906 года он затеял весьма сомнительное предприятие, связанное с закупками зерна для голодающих. 20 января 1907 года газета «Нижегородский листок» сообщала, что в Сенате начались слушания по делу о мошенничестве. Обвинялись шведский предприниматель Эрик Лидваль и сам губернатор. Вместе с закупкой десяти миллионов пудов зерна для пораженных засухой уездов губернатор заключил договор с Лидвалем об открытии в Нижнем Новгороде игорных клубов и фирмы

по торговле бесшумными унитазами. Лидваль обязался поставить зерно по бросовой цене, получил свыше двух миллионов рублей задатка, но поставил в десять раз меньше.

В 1929 году в СССР было выпущено 150 тысяч унитазов. Унитаз в те годы представлял собой устройство с чугунным бачком под потолком и ручкой на цепочке, В тюрьмах такие можно лицезреть и сегодня.

Но размышлять об этом было некогда.

– Кто такой? – услышал Санлеп откуда-то сбоку.

Он назвал свою кличку. Удивительно, но пермская тюрьма его знала. Хотя не удивительно. В СИЗО транслируют самую свежую инфу.

– За что повязали?

– Толком не знаю. В Березниках что-то не удозорили – взорвалось, а у меня неночевка.

– Статья тяжелая. Диверсия. От восьми до пятнадцати. И даже вышка. Думай шарабаном, а не ногами.

Санлеп молчал. Он чувствовал, что мокреет спина.

– Это наезд, – наконец, проговорил он. – Наезд в натуре.

– Дам один совет – вали на безглазого,. И груз прими по трубе. Это тебе грёв от общака.

– Кто говорил?

– Хопёр. Но у тормозов вертухай. Всё, крандец связи.

Тормоза – это дверь в камеру. Санлеп слышал о Хопре. Авторитет. Дали в последний раз, кажется, шесть лет крытки. За что – не вспомнил. А валить на безглазого на блатном жаргоне означает перекладывать вину на несуществующего, выдуманного человека. Но этого совсем и не требовалось. У него – алиби, если, конечно, станут проверять. Скорее всего, не станут.

Единственное, что как-то утешает, – подоспел грёв. Для его транспортировки зэки проложили дорогу – протянули шнур через канализационную трубу из камеры в камеру. С кем-то из предшественников Санлепа уже словились с помощью ёжиков – связанных вместе зубных щеток, которые над огнем изгибают самым причудливым образом, образуя крючки и спирали. Если надо наладить связь с соседней камерой, то такие ежики с привязанными к ним шнурами с обеих сторон бросают в очко и затем по условному сигналу одновременно сливают два ведра воды. Ежики тонут в общей трубе и, несомые бурным потоком, тормозятся, налетев друг на друга и закручиваются, зацепляются. Остается только аккуратно вытащить их в одну из камер, и дорога готова. К ней привязывают плотно упакованный и запаянный в целлофан груз и переправляют по назначению. И Санлеп без каких-то волокит получил посылку – сигареты, чай, карамельки, увесистый шматок сала.

Вот тут-то и подумаешь о разнице между тюрьмой, зоной и «химией». Лучше всего в тюрьме. Как правило, нет беспредела среди зэков, хотя есть и стукачи, и насадки. Но их вычисляют быстро. Они – прислужники общих врагов – ментов, прокуроров, судей. Именно они посадили всех, они лишают возможности обороняться, видаться с близкими. Это объединяет, вызывает сочувствие друг к другу. Можно даже втихушку мечтать о том, что виноватого Бог найдёт, о чуде освобождения, а оно в итоге так и не приходит или приходит, но очень поздно.

Козлы – тоже враги. Бывает, что они даже зловернее врагов основных. Но если к их покровителям добраться трудно, то они – вот они, впритычку, в спряталки не сыграют. И разборки с ними бывают тихомолчные, но кровавые. Или найдут повешенным. Толпа большая, сроду не разобраться: то ли сам на себя руки наложил, то ли помог кто-то.

На зоне все уже осуждены, знают свой срок. Там главная задача – выжить. Нормально питаться, поддерживать физическую форму. Кардинально меняется система ценностей. Что раньше казалось важным – работа, карьера, семья – уже совсем и не важное. На первый план выходит то, что обыденно: еда, сон, бритьё, обувка. Меняются и сами люди. Некоторые ломаются, становясь лагерной шушерой. Самое важное даже при смене знаковых ориентиров –

оставаться самим собой. Жить там, где в принципе нет никакой жизни. Приспосабливаются же космонавты к невесомости.

А «химики» об этом сразу забывают. Там никто не знает свой срок точно, отправить на зону могут в любую минуту, и, значит, надо забыть, сколько ты здесь отбарабанил вхолостую. Всё равно не зачтут. Но как снять нервное напряжение? Пьянкой, наркотиками? И «химики» ходят с голодным брюхом, еле ноги таскают. Здоровье уплывает со страшной силой. И уже нет былой сплочённости, как в раньше. Каждый – сам по себе.

Да, в тюрьме теряют тех, кого раньше на воле считали друзьями. Но лучше пусть это случится раньше, чем позже; стоит ли жалеть, если начинаешь понимать, что такое настоящая дружба и братство?!

Но надо жить дальше. По продолу – так эки называют коридор в тюрьме – продефилировала ночная дежурная смена. Кто-то из пупкарей заглянул в кормушку. Сказал тоном школьного завуча:

– Всё, отбой. Изобрази тишину. Засухарись до утра. Будешь шуметь, ломиться, начнёшь быковать, хамить – на это есть дубинатор.

А кто ты, пупкарь? Никто. Блямба, пупырь – прыщ на ровном месте. Ведь Санлеп фордыбачить и не помышляет. Он сейчас бухнется на шконку и моментально уснёт

И спал он, крепко, как медведь в берлоге. Ему снилось его первое дело...

Первое дело

1

Саня Рябинин родился в Риге. Воспитывала его одна мать. Отца, как говорила она, убили на Даманском. Но Санлеп в списках погибших Рябинина не обнаружил. Сказал матери, она рассердилась. Чуть ли не в слёзы:

– Значит, не веришь? Мы не расписаны были. У тебя моя фамилия.

Санлеп не верил. Ему было десять лет во время мочиловки с китайцами на земле, которую потом им же и отдали. За просто так, как будто и не было пролитой крови, свинцовых гробов и горя матерей и вдов. Но Санлеп не помнил, чтобы приходила похоронка, чтобы мать носила траур. Как-то не вяжется одно с другим. И потом – неужели всё это время мать с отцом жили нерасписанными? И почему он постоянно отсутствовал? Санлеп не видел его ни разу, а простые арифметические подсчеты свидетельствовали о том, что здесь что-то не так. Если батя был срочником, то тогда получалось, что он стал отцом, когда ему сравнялось... десять лет – это из разряда ненаучной фантастики, на грани бреда. Если был офицером, то о них всех хорошо известно – каждый был семьянином.

Мать, как опытная подпольщица, скрывала фамилию отца, не было ни одной его фотографии в семейном альбоме, и это не то, что настораживало, – колололило набатом. Но Санлеп тем не менее прекратил самостоятельное расследование. Зачем, когда это кому-то не нравится?

Учился он хорошо, без троек. Довольно сносно шпыхал по-латышски. Оттачивал приемы карате вплоть до того момента, когда карате официально запретили. Но неофициально тренировки продолжались.

После школы Санлеп поступил в медицинский. Когда пришел срок специализироваться, особого выбора не было. Выучился на санитарного врача. По распределению попал в третий по величине город Латвии. Это, конечно, не Юрмала. Но город не менее красивый. Он возник еще в начале тринадцатого века. Центр сохранился с той поры в нетленности.

Санэпидстанция здесь была довольно большой. Город промышленный, много школ, детских садов. Одни сотрудники осуществляли надзор за окружающей средой, другие следили за условиями труда, рациональным питанием, радиационной обстановкой, условиями воспитания детей и подростков, занимались проведением противоэпидемиологических мероприятий. Были также несколько лабораторий и дензинфекционный отдел. Рябинину досталось самое трудное – контролировать качество продовольствия и товаров народного потребления.

За неполных два месяца он побывал только на двух предприятиях – спичечной фабрике и сахарном заводе. Ничего крамольного не обнаружил, хотя проверка была очень дотошной.

СЭС возглавлял латыш Янис Озолс. Он не имел медицинского образования. Работал в горкоме партии, заведовал, кажется, отделом пропаганды и агитации. Прочили в секретари, но он на чём-то погорел, и его сослали на более мелкую должность, подсластив горькую пилюлю. В формулировке перевода значилось: «для укрепления идеологической составляющей работы санпидемстанции».

Однажды Озолс вызвал Рябинина в свой кабинет.

– Понимаешь, какое дело, – сказал он с характерным акцентом – русские слова латыши произносят с ударением на первый слог. – В городскую газету пришло письмо о серьёзных нарушениях на мясокомбинате. Но там много не очень правды. Надо проверить и сделать правильные выводы. Не стоит пугать население тем, что крысы перемалываются на колбасный фарш. Мясокомбинат у нас в передовиках. Я давно знаю его директора, Гунара Берзиньша. Хороший человек. Мы даже дружим. Кандидат наук. Его диссертация «Развитие мясо-молочного животноводства в условиях Уганды» получила высокую оценку. Но Берзиньш

очень больной. Напечатают про это в газете, у него наверняка случится инфаркт. Нельзя допустить такое.

– А где это письмо? – спросил Санлеп. – И кто его писал?

– Письмо у меня. А писал его студент, который хотел подработать. Не во всё вник, набаламутил, что-то ему втемяшилось, чего на самом деле нет, вдобавок этот, как его...

– Юношеский максимализм? – подсказал Рябинин.

– Вот-вот, он самый. Когда белое кажется черным. Письмо этого сопливого прочитай при мне, читай и разумеешь, копии у меня нет, его нужно вернуть.

– Но оно было бы основанием для внеплановой проверки.

– А зачем тебе какие-то основания? Проверка будет плановой.

Санлеп сразу понял, что тут что-то нечисто, какой-то мухлёж. Заржавелая логика. К чему такая конспирация с гнильцой? Не усваивают ли его на какой-то криминал? Как бы не оконфузиться.

Похоже, на мясокомбинате не всё в ажуре. Нет дыма без огня. Дым бывает даже от фейерверка. В нём присутствуют соли металлов, которые требуются для создания цветowych эффектов, окислители, продукты сгорания. Такой дым способен вызывать дерматиты, нарушать работу нервной системы, весьма токсичен. И надо детально разбираться.

Письмо Санлеп, конечно, дословно не запомнил. Это была не злобная стукотня. Приводились конкретные факты. В колбасный цех берут на работу без санитарной книжки, в цехе пола залит колбасным фаршем, холодно, жуткий запах, грязный фарш собирают с пола и кидают опять в котел, спечовка тоже грязная, женщины работают без перчаток. Рамы, на которые ставят батоны колбасы, измазаны сажей из коптильни. Живут в цехе и грызуны, у них даже прозвища есть. Просроченную колбасу из магазинов возвращают на мясокомбинат, здесь ее перерабатывают, добавляют непонятно какие ингредиенты и специи, и она вновь поступает на прилавки.

Санлеп делал пометки в записной книжке. Письмо – совсем не ахинея, не оговор. Надо обратить внимание на добавки. Что в колбасу впикивают конкретно. Добавляют ли красители? А что ещё? Для мытья рук посередине цеха стоит общий чан с горячей водой. Там же моют тряпку для уборки оборудования и кишки, которые служат оболочкой для некоторых сосисок. Чистота, прямо скажем, сомнительная. Так ли это?

А как делают фарш? Сваливают вместе обрезки свинины и говядины, большое количество «химии» из неподписанных пакетов, соевый порошок и кости, наливают воду прямо из-под крана.

Автор письма не сообщал о том, что крысы попадают под ножи и становятся частью фарша. Но откуда это взял Озолс? Странно, весьма странно.

Письмо было без подписи. Но если понадобится, студента легко вычислить. У анонимов есть имена, фамилии и конкретные адреса. Надо только приложить усилия, чтобы это выяснить.

2

Близость мясокомбината чувствуется издалека. Запах тошнотворный. Те, кто покрепче, с ним справляются, но некоторых от подобных ароматов выворачивает наизнанку.

Мясокомбинаты строят на отшибе именно из-за этого. Воздух здесь тяжелый. В нём обычно присутствуют оксиды углерода, диоксид азота, аммиак, фенол и сероводород. Но в журнале проверок раньше особых нарушений по этим веществам выявлено не было. Купили, что ли, проверяющих? Они писали, что с запахами мясокомбината смешиваются другие выбросы, а также загазованность. Но тут нет никакой логики – другие предприятия совсем в стороне, довольно далеко и автодороги. К тому же на мясокомбинате есть свои очистные

сооружения. Работу их тоже регулярно проверяли. Но констатировали: очистка стоков не убивает запах. Интересно, почему?

Попасть на мясокомбинат не так-то просто. Удостоверение Санлепа долго вертел в руках охранник, словно это была ксива инопланетянина, прилетевшего из другой галактики, потом позвонил кому-то. Наконец, вышел сам директор Гунар Берзиньш. Ему было слегка за шестьдесят, виски припорошил снег, но выглядел он значительно моложе. И как-то не ощущалось, что он серьёзно болен. Глаза с весельцой, подтянутый, похож на какого-то импортного киноактёра.

Берзиньш приветливо улыбнулся, хотя Санлепу показалось, что улыбка была показной, дежурной::

– Значит у СЭС новое пополнение? С чем к нам?

– Обычная плановая проверка. Но было еще письмо в газету...

– Знаю, читал. Фантазёра выперли неделю назад. Но этот малолёт детясельный насмерть обиделся, как будто его посадили на чужой горшок, вот и сочинил с каким-то захлёмом всякую чепуху... Но не будем об этом. Пойдемте, я покажу наше предприятие. И сразу же похвалюсь: кроме переработки мяса недавно стали выпускать гематоген, мясо-костную муку, желатин...

Мясокомбинат был построен по типовому проекту. Все, как обычно: скотобаза, цехи первичной переработки, колбасный, полуфабрикатов, разделенный на котлетный и пельменный участки, обработки шкур, холодильник. К ним добавились новые цехи: клеевой, желатиновый, медицинских препаратов, производства изделий из рогов и костей.

Наиболее высокие санитарные требования предъявляются к устройству цеха первичной переработки, где убой животных и разделка туш. Последний приют животины. Но здесь всё соответствовало норме, Есть холодная и горячая вода, чисто. Стены и перегородки, полы из водонепроницаемого материала, без щелей и выбоин. Панели облицованы глазированным кирпичом и плиткой. Помирать скотине – одно удовольствие.

Но ладно, пойдём дальше. Удивительно та же благостная картина. Бетонные ванны и чаны для мойки жира-сырца, посолки мяса выложены изнутри красивыми метлахскими плитками. Котлы для вытопки жира, варки мяса – из нержавеющей стали. Не мясокомбинат, а сплошной образец для подражания. Вот только откуда этот тошнотворный духан?

Размышления Санлепа прервал Берзиньш. Он участливо заглянул ему в глаза:

– Устали, наверно? Может, кофе попьем?

В директорском кабинете был накрыт стол. Изобилие и богатейство, с какими Санлеп давно не сталкивался. Коньяк, деликатесы, которые выпускает мясокомбинат в ограниченных количествах. Видимо, для таких случаев.

– Прошу, – пригласил Берзиньш. – Как это у русских говорят: сухая ложка рот дерёт? Попробуйте наш карбонад. Правда, что он не хуже микояновского?

Карбонад действительно был не хуже. Нежный и сочный, он буквально таял во рту.

– Мы готовим его на пару в специальных камерах с последующим запеканием, – объяснил директор. – Сыровяленый и сырокопчёный карбонад не выпускаем. Дешёвый слишком. Не добавляем для увеличения массы и соевый белок. В планах – освоить производство карбонада по-фламандски. Я пробовал, когда был в Бельгии, мне понравилось. Это свиная корейка, тушенная в пиве....

Берзиньш подливал Санлепу армянский коньяк и безостановочно тараторил. Потом достал из стола плотный конверт и положил перед ним.

– Что это? – не дотрагиваясь до конверта, спросил Санлеп.

– Знак уважения, Александр Васильевич, знак уважения.

– Вы навязываете мне взятку? За что? Я ведь не нашел никаких недостатков.

– Мне очень хотелось, чтобы вы их не нашли вообще никогда. А знак уважения – это обязательно для всех проверяющих. Привыкайте. Ни один ещё не отказался.

– Я не возьму. Жду, когда вы скажете, что на этом проверка закончена.

– Собираюсь.

– Так вот, я не согласен. Мне надо побывать ещё в колбасном цехе и на очистных сооружениях.

Берзиньш нахмурился. Он явно не ожидал такой неплановой завёртки.

– Ну что ж, идите, раз вы на нашей территории. Но даже если вы что-то и найдёте, не обольщайтесь. Можете потом пожалеть.

– Угрожаете?.

– Ну что вы! Какие угрозы? Только редостережение.

– От чего?

Директор замолчал, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Смотрел исподлобно. Конверт с деньгами так и остался лежать на столе рядом с недопитой бутылкой коньяка и недоеденным карбонадом.

3

Сначала Санлеп заглянул на очистные. И сразу понял природу мерзкой запашины. В сточных водах содержится большое количество яиц гельминтов – всяких паразитов, находящихся в кишечниках жвачных животных.. Важно своевременно обезвреживать и удалять такие испускающиеся стоки. Но очистные не справляются с непомерной для них нагрузкой. Грязь застаивается, а это очень опасно. Рукой подать до какой-нибудь эпидемии типа холеры.

А всё это происходит из-за непомерных амбиций. С легкой руки директора на мясокомбинате взяли курс на полную утилизацию отходов. Дело, в принципе, хорошее, но...

– Мы сбрасываем в канализацию то, что может принести предприятию дополнительную прибыль, – сказал Берзиньш как-то на оперативке. – От этого, как от козла польза – ни шерсти, ни молока. Пора перестраиваться. Будем даже навоз продавать и огребать за него денежку.

Начали с каньги – содержимого желудка животных. Действительно, это ценное биологические сырье содержит протеин, жир, клетчатку, а также большое количество ферментов, витаминов и микроэлементов. Их можно использовать для изготовления высокобелковых кормов. Потом решили перерабатывать кишечники скота. Но для этого нужны особые сепараторы и флотаторы.

Но зарабатывать на коровьем дерьме бабки не так легко, как кажется. Директор посамонадеяничал. Кроме шнековых, нужны ещё и сепараторы центрифужные. Они удаляют тяжелые частицы жира. И вот с ними-то и проблемы – их мало, они нередко забиваются, выходят из строя. Да и производительность невелика.

И нечистоты скапливаются, не успевают добраться до канализации. Не хватает и хлораторных установок для дезинфекции.

А как ведется борьба с мухами? Положа руку на сердце, никак. И этому способствует как раз несвоевременное удаление загрязненных стоков.

Но самые опасные враги – грызуны, особенно крысы, которые, как и мухи, могут стать переносчиками эпидемий и инфекций. Санлеп своими глазами видел крысиные норы, причём их больше всего именно в колбасном цехе. Крысы прячутся в пустой таре, прогрызают полы, даже металлические сетки. А часть канализационных и вентиляционных отверстий такими сетками вообще не заделана. Что касается ловушек и капканов с приманками, которые устанавливают на ночь, то грызуны их стороной обходят. Телепатия!

В цехе Санлепу поведали разные истории. Люди были предельно откровенны. Но все просили не упоминать их фамилий. Потому, что будут потом преследования со стороны начальства. Не оно само, конечно, этим занимается, а его приспешники. И даже менты, которые куплены с потрохами. Кому-то уже отбили почки, кого-то вообще посадили. Одну из деву-

шек, которая повстречалась с крысой и была покусана, увезла «скорая». Мало того, что она пережила шок, ей ещё и делали уколы от бешенства. На мясокомбинат потом не вернулась. Мужик лет пятидесяти, Эдгар, пожаловался, что крысы съели его штаны, которые он оставил в бытовке, поскольку они были выпачканы фаршем.

Прояснилось и с переработкой крыс на колбасу. Такие случаи действительно были. Последний – две недели назад.

– Работаем мы, всё нормально, – рассказывала женщина средних лет по имени Паула. – Пробегают две крысы. Никто на них не обращает внимания. Какая в этом разнужда! Вот одна поскользнулась на осклизлой трубе и свалилась прямо в мясорубку. Визг – и крыса превращается в фарш. А все продолжают заниматься своими делами. Подумаешь – трагедия какая!

Так вот, оказывается, это и не легенда совсем. Вот почему обнаруживаются в колбасе крысиные хвосты! И Озолс об этом хорошо знает! И не только он.

Санлеп увидел сыздаля небольшое тёмное помещение. Хотел войти, но мастер, который его сопровождал, преградил дорогу.

– Там... использованная тара, – сказал он как-то не очень уверенно.

Санлеп рванул дверь на себя. Несколько огромных бочек. Кислый запах.

– Что это?

Мастер молчал.

Санлеп посветил фонариком. В бочках был замочен картон. Зачем он нужен, догадаться было несложно. Картон – это неизменная составная копченых колбас, когда хотят сэкономить на мясе. И вряд ли это была чья-то самодеятельность. Целенаправленная политика.

Из одной бочки выскочила озадаченная непредвиденной ситуацией раскормленная крыса.

– Почему вы их не травите? – спросил Санлеп.

– Пробовали. Распылили газ – рабочим это не понравилось, – сказал мастер. – Пригрозили забастовкой.

– И махнули на всё рукой? Как и на вопросы личной гигиены. Если уж к работе допускаются люди, не имеющие санитарных книжек, то кто будет проверять чистоту рук и спецодежды?

Мастер не отвечал. – он попросту не знал, что глаголить. Его соответствующим образом не проинструктировали.

Санлеп рассчитывал продолжить проверку. Что она бы ещё выявила? Но на следующий день его на мясокомбинат не пустили.

– Директор приказал? – спросил он охранника, но тот сделал вид, что ничего не слышит.

Как-то морочно стало. Рассерженный, Санлеп поймал спозаранья Озолса. Рассказал о своих злоключениях. Тот был с ним предельно холоден, как споконвечная ледяная шапка Джомолунгмы. Посмотрел сыскоса, выкуковал:

– Я же говорил, что надо делать правильные выводы, нельзя пугать население.

– Но я это дело так не оставлю, – упорствовал Санлеп. – Завтра ознакомлю вас с результатами проверки.

– Завтра будет завтра, – странно как-то прореагировал его шеф.

4

Санлеп писал акт проверки всю ночь. Лайма, жена, несколько раз вставала, нервно курила на кухне одкомнатной квартиры в малосемейке, которую получила именно она – Лайма устроилась в отдел кадров большого галантерейного комбината, который был почти её тёзкой. Он назывался «Лаума».

– Брось ты пикироваться с начальством, – говорила она. – Всё равно свою правоту не докажешь. Только себе навредишь. Знаешь, с чем это сходственно?

– С чем? – поинтересовался Санлеп.

– С полоумием.

Но Санлеп был из когорты правдолюбцев, которые не останавливаются ни перед чем, наивно полагая, что их честность в конце концов победит. Действовал по принципу: хоть рыло в крови, да наша взяла. И утром он намеревался показать свой 22-страничный документ Озолсу.

Худая и бледная, как одинокий клабищенский призрак, белобрысая секретарша его остановила:

– Янис Карлович занят. Он велел никого к нему не пускать. Кстати, а вы знаете, что у нас больше не работаете? Вот приказ, ознакомьтесь...

Приказ был короткий. «Уволить Рябинина А. В. как не выдержавшего испытательный стаж и допустившего нарушение трудовой дисциплины, выразившее в самовольной проверке мясокомбината».

– Но это же бред сивой кобылы! – воскликнул Санлеп. – Проверка была плановой. Меня сам Озолс туда послал.

– Любая проверка проводится по распоряжению главврача СЭС, – объяснила секретарша. А такого распоряжения не было...

Кровь ударила Санлепу в голову. Он вломился в кабинет Озолса.

– Как прикажете понимать все это?

Озолс оторвал глаза от какой-то бумаги.

– Успокойтесь, – сказал он. – Ваше раздражение мне непонятно. Вы сами во всём виноваты. Теперь расхлёбывайте.

– А кто говорил о плановой проверке? Кто показывал мне письмо студента?

– Какое письмо?

И тут Санлеп понял, что Лайма была права. Он играет в оглохшую дудку. У этой развезени – все признаки мышеловки. Он никому ничего не докажет. В этом городе – круговая порука, полный соглас, все до единого повязаны блатом, взятками, здесь не потерпят, что какой-то никудыка вмешивается в их устоявшийся и ненаedный распорядок жизни. Это – сборище клевретов, упыри, выкормыши прогнившего до основания режима. Берзиньныш тоже откrestиться от всего: мол, никакой плановой проверки и не было, знать ничего не знаю.

Санлеп резко повернулся и вышел. Может, его поймут в прокуратуре? Но у него нет никаких доказательств. Как бы не оследиться. Письмо в газету анонимное, оно у Озолса, не заверенный печатью санэпидспнции акт проверки мясокомбината – это не официальный документ...

И всё же Санлеп решил туда наведаться. «Хуже не будет», – подумал он.

И, как всегда, ошибся. Мышеловка захлопнулась.

Заместитель прокурора города, Николай Иванович Шушенков расчленил его острым, как лезвие бритвы, взглядом сквозь очки с сильным увеличением. Наконец, спросил неприятно скрипучим голосом:

– Что привело вас к нам, молодой человек?

Санлеп рассказал все, как есть. Даже о взятке, которую предлагал ему Берзиньныш.

– Вы открывали конверт? – последовал вопрос. – Сколько там было денег?

– Я не знаю. Конверт не открывал.

– Значит, на нем нет отпечатков ваших пальцев?

– А что – нужно, чтобы они были?

– Не ёрничайте. Дело, сразу скажу, сложное. Берзиньныш и Озолс – уважаемые в городе люди. И им больше веры, чем вам, не так ли? А вы подозреваете в крамоле и мошенстве едва ли не всё население земного шара. Негоже это для молодого специалиста.

Санлеп понял, что и тут всё шито да крыто. Город обомшавел в пороке. Напрасно он пыжился что-то изменить. Этот город его одюжил. И он просто пустолает, реагируя на эти пашни. Чисто инстинктивно.

– Хорошо, – сказал он. – Считайте, что я и не приходил.

– Я чувствую, что вы передумали писать заявление?

Санлепу захотелось, чтобы эта квадратная спина вообще перестала что-то чувствовать. Но все-таки сдержался. Прокуратура – не то место, где можно вспылить и назвать всё своими именами. Выдавил из себя:

– Конечно же, передумал.

– Позвольте поинтересоваться, почему?

– Потому что это заявление можно истолковать как клевету, поскольку в городе рука руку моет. Прошу только вернуть мне акт о проверке мясокомбината. Есть ведь и другие инстанции, кроме прокуратуры...

И тут в голосе Шушенкова звякнул металл.

– Невысокого же вы о нас мнения. Но акт я оставляю у себя. Зайдите через денек, обсудим.

Это означало, что его писанина, все вскрытые им недостатки будут сокрыты. В глубокой-глубокой яме

И тут Санлеп горько пожалел о своём визите. Он наделал столько ошибок, что можно съехать с катушек. Его акт о проверке – бомба замедленного действия, которая может рвануть, но они этого не допустят. Как бы эта неразорвавшаяся бомбочка не сгубила его самого. Одним словом, попался, который кусался.

Загребли его, кстати, в тот же день. Пылающий гневом, Санлеп понял, что если не выпьет, не отмякнет душой, может натворить что-то такое, о чем потом будет жалеть. Но недоброжелатели ожидали от него именно этого. Они жалели только о том, что он не додумался до такого раньше.

Его пасли с самого начала. И Санлепа угораздило пойти мимо ресторана «Юра», название которого переводится с латышского как «Море».

Был обеденный час, и в кабаке почти все столики не пустовали. Это объяснялось тем, что днём ресторан предоставлял скидки. А латыши – народ прижимистый, они будут рады, если сэкономят даже двадцать копеек.

Санлеп с трудом нашёл свободный столик. Заказал бутылку водки и салат. Есть не хотелось – слишком много всего накатило. Выпил рюмку, потом вторую, третью...

Со стола упала вилка. В ресторанной тиши это произвело примерно такое же впечатление, как взрыв противотанковой гранаты. Со всех сторон заоборачивались всем гуртом, глядели с осуждением, словно говорили: «Экий дикарь неотёсанный, даже цивилизованно вести себя в общественном месте не умеет».

Санлепу стало невыносимо противно видеть эти жующие лица устричных живоглобов. Он вышел в вестибюль – покурить и посмотреть на дюны в приморском парке в окно – это всегда успокаивало. Тем паче, что в ресторане курить запрещалось. Да и в окна ничего не разглядеть. Окнами были стилизованные иллюминаторы – ресторан изображал из себя лайнер с потугами на «Титаник», только эти потуги выглядели, как пародия.

Тут-то всё и началось.

Эти трое, казалось, ждали именно его. Один из них, длинный, худой и патлатый, стрельнул у Санлепа сигарету и прикуривал от зажигалки. Двое других заходили сзади.

Санлеп чутьем каратиста почувствовал опасность. Его только смущало время и место. Обычно для драки выбирают не фешенебельные кабаки. Но он внутренне подготовился ко всякой неожиданности.

Патлатый занес руку для удара. Санлеп слезал нырок и ногой зацепил того, что поменьше ростом, который находился в полутора метрах от него. Тот вскрикнул и упал, зарывшись носом в ковровый палас. В руках у третьего сверкнул нож.

И все смешалось: хруст, мельканье рук и ног. Санлеп отпрянул, схватил неведомо как оказавшийся в вестибюле стул и стал орудовать им, как щитом, а когда финка воткнулась и застряла в мягком сиденье, обрушил его на голову нападавшего. Под ногами сразу же сделалось скользко.

Оставался патлатый. Жилистый, ддиннорукий, закалённый в уличных потасовках, он был наиболее опасен. В его руке тоже что-то блеснуло. Санлеп отступил к подоконнику, на котором стояли горшки с цветами. Горшок с каким-то экзотичным растением типа пятилепестковой баухинии попал прямо патлатому в лоб...

Всё это продолжалось лишь несколько секунд. И тут же появились менты. Они поднялись по лестнице гуськом и надели на Санлепа браслеты. Участие его в молотилровке было явным – из разбитой губы сочилась кровь.

Потом, вспоминая всё это, Санлеп отметит свои просчёты. Во-первых, он недооценил коварство ментов. Они высторожили его. Во-вторых, не учел недокомплексцию того, кого положил первым своим ударом. Таких можно убить, даже не желая этого. Вероятно, даже простым щелчком. Или этого хлюпика выбрали вполне осознанно? Именно для того, чтобы он изобразил жертву нападения? В-третьих, Санлеп продемонстрировал, что владеет приемами карате, которое было тогда запрещено. Это вполне может повлиять на решение судьи. И самый главный вывод: он совсем забыл, что настоящая победа в драке – это сделать так, чтобы драки не было, не потеряв при этом чувства собственного достоинства. Это действительно сложно.

Но одно засело в мозгу, как заноза: у любого конфликта, кончающегося рукоприкладством, должен быть какой-то повод. Тут же его не было. Значит, всё это было заказано кем-то? Но кем? Берзиньшем? Озолсом? Шушенковым? Или всеми вместе? Интересно, сколько заплатили они этим патентованным дегенератам, которые участвовали в побоище? Или же купили их чем-то другим?

А ещё он, кажется, понял самое главное. Хотя Санлеп и родился в Латвии, – это не его настоящая родина. Да, здесь царят тишина и покой, в воздухе не витает микроб явной вражды, не слышно русского мата, никто не дерётся на улицах, прохожие выглядят беззаботно и непривычно молчаливо. Но если пожить здесь достаточно долго, прибалтийское солнце начинает тускнеть. Красота на деле оказывается искусственной, лесопарковой, отношения между людьми – непрочными, поверхностными. Здесь неуместна ирония, здесь не понимают шуток и обижаются, здесь ко всему подходят одинаково серьезно. Не принято повышать голос, жаловаться, критиковать начальство, просить о помощи, занимать деньги, рассчитывать на поддержку, проявлять какие-то глубокие чувства.

И Санлеп вдруг ощутил, чего ему здесь не хватало. Красоты дремучего леса, русского разгула, открытости, наконец, а не захлопнутости. Потому что Россия – это его прародина. Потому что русский человек может жить только там. Потому что русская жизнь – самая полная, самая пронзительная, хотя здесь страдают и мучают других, но и любят тоже. Причем не картинно-показательно, а по-настоящему.

Санлеп так и не додумал эту мысль. На этом обрывалось и воспоминания о времени, которого, по сути дела, не было.

Безумный профессор

I

В понедельник в трехместку Санлепа загрузили двух новых пассажиров. Тюрьма – как поезд: одни сходят, другие заходят. Естественно, не доброоально. А ты держишь свой путь дальше, и когда будет твоя станция, толком не знаешь. Пытаться сорвать стоп-кран бесполезно – на нём большой амбарный замок. Вдобавок он опломбирован.

Но новые односидельцы всегда порождают вопросы. В этот раз это было уравнение с двумя неизвестными. Кто из них стукач? Или оба?

Познакомились. Леха Маркушин тянул уже третью ходку. Все тело с бычьей шеей и рельефными бицепсами расписано проникновенной тюремной живописью. Ноги-поршни. Атлет. И погоняло соответствующее – Шайба. Будка, что надо, в прошлом был хоккеистом.

Немного настораживала кликуха второго пассажира – Швондер. Но Хопёр по тюремному телеграфу сообщил: проверено, мин нет. Швондер мотает второй срок – гоп-стоп, причем, кажется, с мокрухой. Скокарь, по-тюремному, грабитель. Но в его деле открылись новые подробности, поэтому он и здесь, в СИЗО. Выдернули из лагеря, как штепсель из розетки. Срок не скостят, а скорее всего, наоборот, добавят.

Шайба, по его словам, попался по делу – не так, как Санлеп. И поведал свою историю.

После второй отсидки на работу никуда не брали, и он приехал на свою малую родину. Поселок этот ведёт свою историю еще с тридцатых годов прошлого века. Образовался он вокруг паровозного депо. Назывался в духе того времени – Стахановец. Но местные остряки сразу же название это переделали в Стакановец. И как в воду глядели. Пили здесь от скуки и безысходности, как говорится, до посинения.

Когда паровозы приказали долго жить, а поселок из железнодорожного переквалифицировали в леспромхозовский, да еще и переименовали, бывшие традиции получили продолжение. Пить стали ещё больше. Оттого и потомство у алкашей было хилое и дебильное.

Среди этой новой поросли особенно выделялся Шайба. Он спиртного в рот не брал, играл в хоккей сначала за местную команду, а потом его пригласили в Пермь. Но там что-то пошло не так, и Шайба угодил за решётку. Об этом он не распространялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.